

ВЫЗОВЫ ИСЛАМСКОГО МИРА CHALLENGES OF THE ISLAMIC WORLD

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712

Научная статья / Research article

Трансформация феномена радикального ислама в условиях постиндустриального общества

С.В. Демиденко, А.А. Кутузова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82
demidenko-sv@ranepa.ru, kutuzova-aa@ranepa.ru

Аннотация. В постиндустриальном обществе радикальный ислам претерпел значительные эволюционные изменения, способствовавшие его трансформации из идеологии религиозной в политическую. Ключевым элементом обновленной доктрины стала идея создания мирового исламского государства, халифата. А средством – глобальный джихад. Статья посвящена исследованию нового этапа в истории феномена исламского радикализма, сформировавшегося за пределами мусульманского мира, где он приобрел черты специфической субкультуры. Увлеченность идеей мирового джихада набирает популярность среди молодых мусульман Европы, США и Юго-Восточной Азии. Разнообразные культурные проявления исламизма, объединенные термином «jihadi-cool», формируют привлекательный образ салафита-джихадиста через особую манеру одежды, специфические направления в музыке (джихад-рэп и джихад-рок) и т.д. Представители этой субкультуры нередко присоединяются к террористическим организациям, распространяют радикальные идеи в молодежной среде, привлекают новых сторонников. В качестве одной из важнейших причин радикализации мусульман в Европе и Америке рассматривается комплекс социально-экономических и культурных предпосылок, порожденных политикой западных стран в отношении государств Ближнего Востока и местных мусульманских диаспор. В рамках настоящего исследования проведен историко-генетический анализ эволюционных трансформаций исламского радикализма. Статистический метод позволил отследить динамику количества террористических актов в ЕС и США. Контент-анализ использован в статье для изучения музыкальных композиций в стиле джихад-рэп. Оценка взаимосвязи популярности данных музыкальных произведений и общей заинтересованности идеологией джихада проведена на основании анализа статистики поисковых запросов. Для изучения взаимозависимости между принадлежностью к джихадистской субкультуре и вступлением в радикальные исламские организации использован биографический метод. Результаты исследования показывают, во-первых, высокую адаптивность исламского радикализма к изменяющимся условиям глобального мира, во-вторых, позволяют говорить о специфической эволюции явления, постепенно преодолевающего межконфессиональные разногласия, и в-третьих, констатируют все более широкое распространение деструктивной доктрины на пространствах Европы, США, Южной и Юго-Восточной

© Демиденко С.В., Кутузова А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Азии. Все сказанное выше позволяет говорить об исламском радикализме не как о феномене локальном, а как об угрозе глобальной политической стабильности.

Ключевые слова: политический ислам, политический салафизм, исламизм постиндустриального общества, халифат, джихад, радикализация ислама, jihadi-cool

История статьи: Поступила в редакцию 01.07.2020. Принята к публикации 10.08.2020.

Для цитирования: Демиденко С.В., Кутузова А.А. Трансформация феномена радикального ислама в условиях постиндустриального общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 690–712. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712

The Transformation of Radical Islam in a Post-Industrial Society

Sergey V. Demidenko, Anastasia A. Kutuzova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571, Russian Federation
demidenko-sv@ranepa.ru, kutuzova-aa@ranepa.ru

Abstract. In a post-industrial society, radical Islam has undergone significant evolutionary changes, that contributed to its transformation from a religious ideology to a political one. The key element of the updated doctrine was the idea of creating a world Islamic state – caliphate – through global jihad. This article explores a new stage in the history of the phenomenon of Islamic radicalism, which has developed outside the Muslim world, where it has acquired features of a specific subculture. Global jihad is gaining popularity among young Muslims in Europe, the US, and Southeast Asia. A variety of cultural manifestations of Islamism, united by the term «jihadi-cool», form an attractive image of a Salafist-jihadists through a special manner of clothing, new types of music (jihad rap and jihad rock), etc. Members of this subculture tend to join terrorist organizations, spread radical ideas among young people and attract new supporters. One of the most important causes of the radicalization of Muslims in Europe and the Americas is considered to be the complex socio-economic and cultural preconditions created by Western policies towards the States of the Middle East and the local Muslim diaspora. As part of the research, a historical-genetic analysis of the evolutionary transformations of Islamic radicalism has been conducted. The statistical method has been used to track the number of terrorist acts in the EU and the USA. Content analysis has been applied in the article in order to examine lyrics of jihad-rap musical compositions. The interdependence of jihad-rap popularity and the general interest in the ideology of jihad has been assessed based on the analysis of statistics of search queries. Biographical methods have been used to study the relationship between belonging to a jihadist subculture and joining radical Islamic organizations. The results of the study demonstrate, first of all, the high adaptability of Islamic radicalism to the changing conditions of the global world. Secondly, they indicate the specific evolution of a phenomenon that gradually overcomes sectarian differences. And third, they note increasing prevalence of this destructive doctrine in Europe, USA, South and Southeast Asia. All the results confirm that Islamic radicalism is not a local phenomenon, but a real threat to global political stability.

Keywords: political Islam, political Salafism, Islamism of a post-industrial society, caliphate, jihad, radicalization of Islam, jihadi-cool

Article history: Submitted on 01.07.2020. Accepted on 10.08.2020.

For citation: Demidenko S.V., Kutuzova A.A. The Transformation of Radical Islam in a Post-Industrial Society. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (4): 690–712. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712

Введение: что такое политический салафизм?

В статье речь пойдет о феномене, который принято отождествлять исключительно с варварством, агрессией и воинствующим клерикализмом. Именно таким образом, как рудимент средневековой дикости, радикальный ислам воспринимался и воспринимается значительной частью мирового сообщества. Однако в середине второй декады XXI века вдруг выяснилось, что исламизм не только не уничтожен напором современной информационной цивилизации, но и приобрел новые формы. Фактически стало возможным говорить о высокой адаптивности радикального ислама к реалиям изменяющегося мира.

Необходимо подчеркнуть, что данный текст носит исключительно вводный характер. Работа призвана лишь обозначить проблему, показать ее научную значимость и политическую актуальность. Считать вопрос трансформации радикального ислама в условиях глобального общества полностью исследованным в рамках одной статьи невозможно.

В корне неверно ставить знак равенства между исламизмом и исключительно терроризмом. Агрессивность, безжалостность, презрение к своей и чужой жизням теперь не являются главным отличительным признаком идеологии радикального ислама. Сегодняшний радикальный ислам перерос формат маргинального религиозного течения, отождествившегося до недавнего времени с ханбалитским мазхабом, приобретя черты протестной контркультуры. Параллельно с этим произошел процесс частичного выхолащивания религиозного момента в пользу момента политического.

Ранее поборники радикального ислама выступали в первую очередь за чистоту веры, избавление ее от всех вредных нововведений – «бид». Для них были характерны религиозный пуризм, бытовая аскеза и высочайшая степень непримиримости по отношению к любым формам политического или идейного соглашательства. В этой связи показательна зарисовка из жизни Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, которую приводит в своей книге «История Саудовского Аравии» выдающийся советский арабист А.М. Васильев. Однажды брат Мухаммеда Ибн Абд аль-Ваххаба Сулейман спросил его, сколько существует столпов ислама. И когда Мухаммед ответил «пять», брат сказал: «Ты сделал шесть. Шестой – кто не последовал за тобой, тот не мусульманин» [1]. То есть радикалы так называемого «ваххабитского» призыва позиционировали себя как некий эталон. Ему надлежало либо соответствовать, либо оказаться в числе их врагов. Это, с одной стороны, было силой исламистов, поскольку своим образом мысли и действиями они давали адептам пример отваги и беззаветности, а с другой – их слабостью, так как через непримиримость и идейную бескомпромиссность теряли потенциальных союзников (характерные примеры – Алжир периода гражданской войны и конфликт ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры»¹).

¹ Запрещены в РФ.

Важным представляется вопрос о том, что в принципе считать радикальным исламом. Здесь необходимо различать две ипостаси явления – религиозную и политическую. Как одно, так и второе принято обозначать термином «салафизм».

С точки зрения традиционного богословия к салафитам (от слова «салаф» – предки) относятся все, кто призывает ориентироваться на образ жизни первых мусульман. Таковыми считают многих поборников таклида², видных факихов и мухадисов – Ибн Ханбала, Аш-Шафию, Ибн Таймийю и уже упоминавшегося Ибн Ваххаба. До начала XX века этот термин не имел никаких иных коннотаций кроме сугубо религиозной окраски. Даже движение аравийских ваххабитов не относили в полной мере к движениям политическим (несмотря на свою агрессивность, они не ставили четко артикулированных политических задач).

Принципиально ситуация начала меняться в момент нарастания в Западной Азии антиколониального движения. По всей территории арабского мира, находившегося на тот момент либо под европейским, либо под османским владычеством, произошел подъем национального самосознания. Возникают первые споры о характере и сущности будущего (или, как показало время, будущих) арабского государства. Внутри это массовое движение разделялось на группы и течения различной идейной направленности. Но все они без исключения были объединены религией (ни коммунисты, ни социалисты, ни условные исламские либералы не ставили под сомнение постулат о религиозных основах своих убеждений). В каком-то смысле начали сбываться мечты основоположника панисламизма Джамала Ад-Дина аль-Афгани (1838–1897 гг.), предлагавшего объединить в рамках одной доктрины западные идеи технического прогресса и исламские духовные основы.

До определенного момента и исламисты, и националисты действовали сообща. Борьба против общего врага снижала накал внутренних противоречий. Как известно, движущими силами египетской революции 1952 года были и «либералы» из партии «Вафд», и военные-насеристы, и «Братья-мусульмане» (организация запрещена в РФ). О последней организации необходимо сказать несколько слов. Как представляется, именно «Братья», появившиеся на исторической сцене в 1928 году, стали первой организацией, имевшей и религиозную, и политическую повестки. Их борьба сначала против королевского режима, а потом против социалистов привела к идейной трансформации движения, которое из сугубо патриотического с религиозным уклоном с течением времени превратилось в классическую оппозиционную организацию.

Внутри салафизма как такового начало выделяться течение, которое мы с определенной долей условности можем обозначить как салафизм политический.

Серьезное влияние на идеологию «Братьев» оказал Сеид Кутб (1906–1966 гг.), теоретически обосновавший необходимость использования джихада (в виде так называемого «джихада меча»). При нем же окончательно оформились и ключевые признаки движения, которые позволяют нам

² Таклид – следование в разработке вопросов фикха какому-либо крупному авторитету.

причислять его к исламистским («салафитским») именно в политическом смысле слова. Главный из них – борьба за создание глобального халифата (принцип халифата является составной частью Усул ад-Дин – корней веры – пяти главных догматов ислама; не путать с пятью столпами ислама) – государства всеобщей социальной гармонии, достигнутой за счет преобразования мира на нравственных основах исламской догматики.

Определенную роль здесь играла и идеологическая доктрина «трех земель», согласно которой весь мир делился на три зоны – Дар аль-Ислам («земля мусульман», халифат), Дар аль-Харб («земля войны» – территории, где не соблюдаются законы шариата, и в отношении которых надо осуществлять джихад) и Дар ас-Сулх («земля договора», где неверным дается десятилетнее перемирие для перехода в истинную веру). Превращение всего мира в Дар аль-Ислам является высшей целью мусульманских радикалов.

Лучше всего идеологию движения отразил создатель «Братьев-мусульман» Хасан Ахмед аль-Банна, заявивший: «Сущность ислама – доминировать, а не быть подчиненным, обратить в его законы все нации, и расширить его власть на всю планету!» [2: 56].

Следом за «Братьями», которые постепенно стали частью политического ландшафта Египта, начали появляться другие течения и движения, ставившие себе цель «освободить» мусульман от ига «иудеев и крестоносцев»³.

До определенного момента мировые СМИ и спецслужбы не обращали на них должного внимания, считая явление региональным и сугубо маргинальным (до начала 1990-х гг. ближневосточный радикализм ассоциировался в первую очередь с деятельностью палестинских экстремистов). Перелом наступил в Афганистане. Сначала в борьбе против советских войск, а после – против моджахедов Северного Альянса сложился первый стабильный экстремистский альянс, объединивший радикалов из Афганистана, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Иордании, Ливии. Осевой структурой альянса стала организация, известная под двумя названиями – «Мактаб аль-Кадимат» (основатель Абдулла Аззам, убит в 1989 году) и «Аль-Каида»⁴. В 1998 г. лидеры организации Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири инициировали создание «Международного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев», в который, помимо лидеров «Аль-Каиды», вступили Абу Ясир Ахмад Таха – глава «Египетской исламской группы» (организация запрещена в РФ), Шаир Мир-Хамза – секретарь «Джамаат уль-Улемма» (Пакистан) и Фазлур Рахман – эмир «Джихадистского движения в Бангладеш».

Политическая программа движения была сформулирована в виде фетвы (суждения по религиозному вопросу), ключевым пунктом которой стал тезис о борьбе против армий крестоносцев, распространяющихся «...как саранча, пожирающая его богатства [мусульманского мира] и истребляющая его

³ Bin Laden U. S., al-Zawahiri A., Taha Y. R., Hamzah S. M., Rahnamn F. World Islamic Front Statement: Jihad against Jews and Crusaders // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm> (accessed: 10.06.2020).

⁴ Запрещена в РФ.

плантации... нападают на мусульман, как голодные люди, сражающиеся за последнюю тарелку с едой». Под крестоносцами создатели документа имели в виду в первую очередь США. Американцев можно и нужно убивать. Причем как военных, так и гражданских. На смену врагу советскому пришел враг новый – мировой империализм в лице Вашингтона и его регионального союзника Израиля⁵.

Апофеозом «борьбы» У. бен Ладена и А. аз-Завахири стали террористические атаки на Всемирный торговый центр. После 11 сентября 2001 г. опасность, исходящая от новой генерации исламских радикалов, стала очевидной для всех государств коллективного Запада (к ним мы относим в данном случае и Россию как давнего, «природного», врага исламистов). Их следы вдруг обнаружились в Европе, России, Южной и Юго-Восточной Азии. Глобальные претензии радикалов начали просматриваться со всей отчетливостью. Весь мир вдруг оказался ареной, пригодной для их деятельности. Вопрос религии и культуры воспринимался экстремистами как вторичный. Рано или поздно все государства планеты должны были быть объединены границами мирового халифата.

Ответом Запада стала военная агрессия. Вторжения в Афганистан и Ирак, однако, не привели к разгрому исламистов. Напротив, они сплотились и вывели свою деятельность на качественно новый уровень. Появление таких организаций, как «Джамаат Таухид валь-Джихад», а позже и ИГИЛ, поставили на грань полного разрушения всю систему международных отношений в регионе Ближнего Востока.

Формирование мусульманской диаспоры Европы

Возвышение ИГИЛ и ее сателлитов в виде ливийских боевых групп, движений «Аш-Шабаб» и «Боко Харам» спровоцировало массовую миграцию населения с Ближнего Востока и из Африки. В этой связи радиальный ислам, без преувеличения, стал приобретать черты глобального деструктивного феномена.

Важно отметить, что исламизм постепенно распространился на территориях, которые долгое время считались для него если не враждебными, то мало подходящими с культурной и идеологической точек зрения. В первую очередь в Европе, США, а также в государствах Юго-Восточной Азии. И этой опасности долгое время не придавали особенного значения, пока в период с 2015 по 2018 г. по Старому Свету и Соединенным Штатам не прокатилась волна террористических актов. Для населения Запада шоком стало открытие, что экстремисты живут не в далеких заморских странах, а по соседству с ними – в той же стране, в том же городе, на той же улице. Как и в случае с бен Ладеном и «Аль-Каидой», осознание проблемы пришло неожиданно. А опасность стала масштабной и вполне реальной.

⁵ Bin Laden U.S., al-Zawahiri A., Taha Y.R., Hamzah S.M., Rahnamn F. World Islamic Front Statement: Jihad against Jews and Crusaders // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm> (accessed: 10.06.2020).

Долгое время мусульманское население Европы росло. Росло оно при этом активно, но не очень заметно. Согласно данным Исследовательского центра Пью, к 2010 г. численность мусульман в Старом Свете составляла 19 млн 520 тысяч человек⁶. Сюда относились и местные, европейские, мусульмане из Албании и Боснии, и мигранты из стран Магриба, и турецко-курдская община Германии.

Долгое время европейские страны, имевшие когда-то колонии на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Азии, пытались сохранить влияние на этих территориях. Они охотно принимали на обучение местную молодежь, выдавали рабочие визы, активно контактировали с местной элитой. Подобная политическая линия была характерна, в первую очередь, для Великобритании и Франции. Объяснялась она, во-первых, желанием вырвать бывшие колонии из сферы интересов СССР (не будем забывать, что в 1955 г. именно под эгидой Лондона Ираком, Ираном, Турцией и Пакистаном был подписан Багдадский пакт – СЕНТО), во-вторых, превратить их в рынки сбыта промышленной продукции, производимой западными корпорациями, и в-третьих, необходимостью бороться с демографическим кризисом, охватившим послевоенную Европу – развивающаяся экономика остро нуждалась в рабочих руках.

Несколько по-иному обстояло дело с Германией. Страна не имела обширных колоний ни до, ни после Первой мировой войны. Однако экономический бум конца 1950-х гг. поставил и перед ней необходимость решать демографическую проблему. Выход был найден в 1961 г., когда между Берлином и Анкарой было подписано соглашение о найме турецких рабочих. Позже аналогичные соглашения последовали с Марокко (1963 г.) и Тунисом (1965 г.) [3]. Так начали складываться многочисленные мусульманские диаспоры Европы. Постепенное снятие пограничных и иных межгосударственных ограничений, являвшихся частью плана по созданию единой Европы, поощряло мусульман к активному перемещению уже внутри континента. Из-за рубежа продолжался хотя и не очень значительный, но все-таки заметный приток беженцев. В результате к началу 2000-х гг. процент мусульманского населения трех ведущих стран ЕС составлял 10% от общего числа жителей во Франции, 5,5% – в Германии, 4% – в Великобритании [4].

До начала XXI в. европейские мусульмане были не вполне органичной, но все-таки частью местных сообществ. Они работали, учились, проводили досуг рядом с коренными европейцами. Религиозность также была не на высоте. Многие исследователи отмечают факт роста увлеченностью религией во втором, а то и в третьем поколении переселенцев из Азии и Африки [5]. Более того, иммигранты второго и третьего поколения в большей степени склонны к радикализации [6].

Так, среди исполнителей и организаторов наиболее громких террористических атак в европейских странах, совершенных в период с 2005 г.,

⁶ Europe's Growing Muslim Population // Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (accessed: 21.06.2020).

большинство было организовано беженцами второго поколения: из восемнадцати – десять. Еще в одном случае – в 2017 г. на Лондонском мосту – действовала смешанная группа из представителей первого и второго поколений (табл. 1). В США показатели примерно аналогичны. Из десяти крупнейших атак в период с 2002 по 2019 г. пять совершено мигрантами второго поколения, включая инцидент на Бостонском марафоне 2013 г. (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

**Личности исламских экстремистов, совершивших теракты в Европе (2005–2019 гг.) /
Personalities of Islamic extremists who committed terrorist attacks in Europe (2005–2019)**

Страна / Country	Террористический акт / Terrorist attack	Организатор (исполнитель) / Organizer (perpetrator)	Возраст / Age	Мигрант "X" поколения / "X" generation migrant	Проживание в стране (регионе) теракта / Living in the country (region) of the terrorist attack	Террорист. организация / Terrorist organization
Великобритания (ВБ)	Взрывы в метро Лондона (7/7) – 07.07.2005	Мохаммед Сидик Хан	30	2	С рождения (ВБ)	Аль-Каида
		Шехзад Танвир	22	2	С рождения (ВБ)	Аль-Каида
		Жермен Морис Линдси	19	2*	С 1990 г. (5 лет)	ИГИЛ
		Хасиб Хусейн	18	2	С рождения (ВБ)	ИГИЛ
Франция	Теракт в еврейской школе, Тулуза – 09.03.2012	Мухаммед Мерах	23	2	С рождения (Франция)	ИГИЛ
Бельгия	Стрельба в Еврейском музее Бельгии – 24.05.2014	Мехди Немуш	29	2	С рождения (Франция)	ИГИЛ
Франция	Стрельба редакции Шарли Хебдо – 07.01.2015	Саид Кушани	34	2	С рождения (Франция)	ИГИЛ
		Шериф Кушани	32	2	С рождения (Франция)	ИГИЛ
Франция	Атаки в Париже – 13.11.2015	Салах Абдеслам	26	2	С рождения (Бельгия)	ИГИЛ
		Абдельхамид Абаауд	28	2	С рождения (Бельгия)	ИГИЛ
Бельгия	Теракты в Брюсселе – 22.03.2016	Наджим Лаашрауи	24	2*	С детства (Бельгия)	ИГИЛ
		Ибрахим Эль Бакрауи	29	2	С рождения (Бельгия)	ИГИЛ
		Халид Эль Бакрауи	27	2	С рождения (Бельгия)	ИГИЛ
Франция	Теракт в Ницце – 14.07.2016	Мухаммед Лахуаедж Булель	31	1	В 2005 г. переезжает во Францию (20 лет)	ИГИЛ
Германия	Взрыв в Ансбахе – 24.07.2016	Мохаммад Далиил	27	1	Беженец из Алеппо, 2013	ИГИЛ
Германия	Атака рождественской ярмарки в Берлине – 19.12.2016	Анис Амри	24	1	Бежал в Италию, 2011	ИГИЛ
ВБ	Теракт на Вестминстерском мосту в Лондоне – 22.03.2017	Халид Масуд (Адриан Рассен Эльмс)	52	С рождения (ВБ)	ИГИЛ	
Швеция	Теракт на улице Дроттнинггатан – 07.04.2017	Рахмат Акилов	39	1	Прибыл в Швецию в октябре 2014 г. искать убежища, в 2017 г. получил отказ	ИГИЛ

Окончание табл. 1 / End of the table 1

Страна / Country	Террористический акт / Terrorist attack	Организатор (исполнитель) / Organizer (perpetrator)	Возраст / Age	Мигрант "X" поколения / "X" generation migrant	Проживание в стране (регионе) теракта / Living in the country (region) of the terrorist attack	Террорист. организация / Terrorist organization
ВБ	Взрыв на Манчестер Арене – 22.05.2017	Салман Рамадан Абеди	22	2	С рождения (ВБ)	ИГИЛ
ВБ	Теракт на Лондонском мосту – 03.06.2017	Харам Шазад Бат	27	2*	С детства (ВБ)	ИГИЛ
		Рашид Редуан	31	1	С 2006 г. в ВБ	ИГИЛ
		Юсеф Загхба	22	1	Прибыл в Европу в 2016 г., хотя гражданство Италии имел с рождения	ИГИЛ
Испания	Теракт в Барселоне – 17.08.2017	Юнес Абуякуб	22	2*	С 1999 г. (4 года)	ИГИЛ
Финляндия	Теракт в Турку – 18.08.2017	Абдерахман Буанан	23	1	Прибыл в Европу в 2015 г. искать убежища. В 2016 г. получил отказ	ИГИЛ
ВБ	Взрыв в метро Лондона – 15.09.2017	Ахмед Хассан	18	1	Прибыл в ВБ в 2015 г. искать убежища	ИГИЛ
Франция	Стрельба в Страсбурге – 11.12.2018	Шериф Чекатт	29	2	С рождения	ИГИЛ
ВБ	Теракт на Вестминстерском мосту в Лондоне – 29.11.2019	Усман Хан	28	2	С рождения	ИГИЛ

Источник / Source: составлено автором на основе/ made by author based on: Global Terrorism Database // University of Maryland. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 22.06.2020); [16], [17].

Таблица 2 / Table 2

Личности исламских экстремистов, совершивших теракты в США (2002–2019 гг.) / Personalities of Islamic extremists who committed terrorist attacks in the USA (2002–2019)

Террористический акт / Terrorist attack	Организатор (исполнитель) / Organizer (perpetrator)	Возраст / Age	Мигрант "X" поколения / "X" generation migrant	Проживание в стране (регионе) теракта / Living in the country (region) of the terrorist attack	Террорист. организация / Terrorist organization
Стрельба в аэропорту Лос-Анджелеса – 04.07.2002	Джон Аллен Мухаммад (при рожд. Вильямс)	31	Афроамериканец, США	С рождения	Состоял в Нации Ислама и воспитался Аль-Каидой
Стрельба на территории базы Форт-Худ в Техасе – 05.11.2009	Нидал Малик Хасан	39	2	С рождения	Связь с Анваром аль-Авлаки, Аль-Каида
Взрыв на марафоне в Бостоне + стрельба в Вотертауне – апрель 2013	Тамерлан Анзорович Царнаев	26	2*	С 2002 г. (16 лет)	Индивидуально
	Джохар Анзорович Царнаев	19	2*	С 2002 г. (9 лет)	
Снайперские атаки в Сизтле и Нью-Джерси	Али Мухаммед Браун	29	Афроамериканец, США	С рождения	Харакат аш-Шабаб

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Террористический акт / Terrorist attack	Организатор (исполнитель) / Organizer (perpetrator)	Возраст / Age	Мигрант “X” поколения / “X” generation migrant	Проживание в стране (регионе) теракта / Living in the country (region) of the terrorist attack	Террорист. организация / Terrorist organization
Стрельба в Чаттануге – 16.07.2015	Мухаммад Юсеф Абдулазиз	24	2*	С 1996 г. (6 лет)	Индивидуально, но под влиянием ИГИЛ
Массовое убийство в Сан-Бернардино – 02.12.2015	Саид Ризван Фарук (организатор)	28	2	С рождения	Индивидуально, но под влиянием ИГИЛ
	Ташфин Малик (жена)	29	1	С 2014 г.	
Стрельба в Орландо – 12.06.2016	Омар Матин	29	2	С рождения	Индивидуально, но под влиянием ИГИЛ
Стрельба в аэропорту Флориды – 06.01.2017	Эстебан Сантьяго Руиз	26	Пуэрториканец, США	С рождения	Индивидуально, но под влиянием ИГИЛ
Теракт в Нью-Йорке – 31.10.2017	Сайфулло Саипов	29	1	С 2010 г. (ему было 22)	ИГИЛ

Источник / Source: составлено автором на основе/ made by author based on: Global Terrorism Database // University of Maryland. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 22.06.2020); [16], [17]

Причины радикализации европейских мусульман

Исламизация проникает в сообщество молодых мусульман Европы и США разными путями. В этом контексте показательна история братьев Царнаевых, подготовивших и осуществивших взрыв во время Бостонского марафона. В результате террористического акта погибли три человека, десятки получили ранения. Старший из братьев – Тамерлан – не смог интегрироваться в американское общество, изучить английский язык и найти постоянную работу. Младший, Джохар, напротив, был успешен, учился, занимался спортом, имел обширный круг знакомств среди местной молодежи. Как сообщает пресса, к исламу братьев начала приобщать их мать, решившая, что таким образом она сможет повлиять на старшего сына. В результате человек, отторгнутый чужеродным для него социумом, нашел успокоение в радикальных идеях. А позже приобщил к ним и младшего (здесь, по всей видимости, ключевую роль сыграл авторитет брата)⁷.

Примерно идентичный путь «в ислам» проделал, если верить журналистским расследованиям, и иракский «террорист № 1» Ахмед Фадль Халейла, известный всему миру под псевдонимом Абу Мусаб аз-Заркави [7]. Он был мелким преступником, а потом, благодаря усилиям матери, приобщился к

⁷ ФБР знает, кто «завладел мозгом» Тамерлана Царнаева // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 19.07.2020).

религии. В семье алжирских иммигрантов родились и другие братья, вписавшие свое имя в историю мирового терроризма – Саид и Шериф Куаши, совершившие в 2015 г. нападение на редакцию юмористического журнала «Шарли Эбдо».

Вопрос о том, почему именно мигранты второго, а то и третьего поколений участвуют в терроризме и чаще разделяют экстремистские идеи, чем их отцы и деды, пока еще исследован не до конца. В качестве одной из возможных причин здесь можно выделить экономические факторы, главным из которых стала деиндустриализация европейской и американской экономик.

Вторая половина XX века ознаменовалась выходом капитализма на новый этап своего развития. Открытие границ, крушение советского блока, реформы в Китае и активное развитие азиатских экономик способствовали ускоренному включению большого количества новых стран в процесс международного разделения труда. В результате развитые государства и их национальные компании начали постепенно выводить крупные производства туда, где рабочая сила была дешевле (но не была менее эффективной), – в Восточную Европу, Турцию, на Дальний Восток – офшоринг.

Начиная с 1999 года крупнейшие корпорации Франции, Великобритании, ФРГ для снижения затрат активно использовали офшоринг, что, в свою очередь, способствовало сокращению рабочих мест на производствах. Во главе процесса находились автомобильные и промышленные гиганты – Volkswagen, Renault, Peugeot, Volvo, Siemens и т.д. Французы переносили производства в Румынию и Словакию, немцы – в Китай, Тайвань, Аргентину, Таиланд, шведы – в Индию. В результате только за один 2008 г. Renault сократил во Франции примерно 4 тыс. рабочих мест [8: 126], Volvo Trucks (подразделение Volvo, специализирующееся на производстве грузовиков) в 2009 г. оставило без работы полторы тысячи человек⁸, а Siemens, имея в 1990 г. в Германии 228 тыс. работников⁹, к 2017 г. оставил всего 113 тыс.¹⁰ (при этом компания имела только в Китае прибыль в 8,1 млрд евро в год¹¹, а по всему миру – 83 млрд¹²). Согласно данным Европейского фонда улучшения условий жизни

⁸ Volvo to cut over 1,500 jobs in Sweden // France 24. 22.04.2009. URL: <https://www.france24.com/en/20090422-volvo-layoffs-sweden-automobile-trucks-crisis-job-cuts-workforce> (accessed: 20.06.2020).

⁹ Recent Developments in the Metal Trades // Metal Trades Committee, International Labour Organisation. 1994. P. 67.

¹⁰ Tost D. Efficiency Drive: Siemens to Cut 1,700 Jobs in Germany // Handelsblatt GmbH. 05.11.2017. URL: <https://www.handelsblatt.com/today/companies/efficiency-drive-siemens-to-cut-1-700-jobs-in-germany/23569588.html?ticket=ST-2327021-inB5fciUUrTaNenYcVdR-ap1#:~:text=Siemens%20has%20over%20113%2C000%20employees,25%2C000%20new%20jobs%20created%20worldwide.> (accessed: 20.06.2020).

¹¹ Siemens – A Global Power House // Siemens China. 2020. URL: <https://new.siemens.com/cn/en/company/about.html> (accessed: 20.06.2020).

¹² Siemens AG // S&P Global Ratings. 21 March 2019. URL: <https://assets.new.siemens.com/siemens/assets/api/uuid:d62be848-db7c-436d-875c-100a8129579b/version:1568887422/190321-rating-update-sp.pdf> (accessed: 20.06.2020).

и труда, в период с 2003 по 2016 г. из-за перевода производств работы лишлось почти 209 тыс. «синих воротничков»¹³.

Еще одним косвенным подтверждением этих выводов могут служить следующие цифры. В период с 1961 по 2000 г., то есть во время перевода предприятий из Европы и США, безработица среди экономически активного населения неуклонно росла. В Великобритании к началу 1980-х она достигла уровня почти в 10%, а потом, благодаря непопулярным и жестким реформам правительства М. Тэтчер, частично пошла на спад. Во Франции кривая росла неуклонно до начала 2000-х, перевалив за отметку в 13%. В Германии наблюдалась медианная тенденция. С одной стороны, уровень безработицы не превысил 9%, с другой – неуклонно рос на протяжении сорока лет.

Все это не могло не сказаться на положении выходцев из стран Ближнего Востока. Сокращение производств привело к росту безработицы и исчезновению социальной среды, которая абсорбировала мигрантов. Ситуаций, в которых мигранты и коренное население активно общались и контактировали, становилось все меньше. Вдобавок нельзя сбрасывать со счетов и феномен гетто, который в некотором смысле связан с европейской политикой толерантности. При всех своих важнейших достоинствах, линия на соблюдение прав и уважение к иным культурам привела в случае с Европой к результатам обратным – деструктивным. Минимальное участие европейских властей в жизни общин, продиктованное принципом уважения к иной культуре, при отсутствии среды для регулярных контактов с местным населением стало залогом фактической изоляции мусульман. И если первое поколение «старых рабочих» еще помнило совместную с европейцами жизнь и деятельность, то поколение второе и третье этого знания было уже лишено¹⁴.

Постоянное пополнение диаспор за счет беженцев значительно усиливало социальную напряженность как внутри сообществ, так и внутри государств Старого Света в целом. Вновь прибывшие мигранты не могли активно включиться в экономическую жизнь Европы, перешедшей в постиндустриальную, инновационную фазу своего развития. Переселенцам не позволяли сделать этого уровень образования и профессиональной подготовки. Уделом мусульман-потомков рабочих и вновь прибывших стала низкоквалифицированная деятельность, обслуживание туристов или жизнь на пособие.

Что касается экономического положения мигрантов, то, согласно данным статистики, только один из четырех беженцев устраивается на работу в

¹³ Hurley J., Peruffo E., Storrie D. ERM annual report 2016: Globalisation slowdown? Recent evidence of offshoring and reshoring in Europe // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound), 2017. P. 22.

¹⁴ Подтверждением этого тезиса могут служить события в Дижоне в июне 2020 г. Беспорядки в гетто происходили при абсолютном равнодушии к происходящему со стороны полиции. Подробнее см., например: Дикая «битва» в Дижоне // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/18/85902-dikaya-bitva-v-dizhone> (дата обращения: 19.07.2020).

первые пять лет своего пребывания в европейской стране. Для достижения же аналогичного с местным населением уровня занятости переселенцам требуется не менее двадцати лет¹⁵. Нельзя не принимать в расчет и колоссального увеличения мусульманского населения Европы в период между 2010 и 2016 гг. Именно на это время приходится ряд драматичных событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Начало ему было положено событиями Арабской весны, а продолжением стали возникновение ИГИЛ и гражданская война в Сирии.

Таблица 3 / Table 3

Уровень безработицы среди экономически активного населения Германии, Франции и Великобритании (% , 1961–2000 гг.) / Employment rate among the economically active population of Germany, France and Great Britain (% , 1961–2000)

Годы / Years	Германия / Germany	Франция / France	Великобритания / United Kingdom
1961–70	0,79	1,8	1,68
1971–80	2,64	4,23	3,87
1981–90	6,21	9,3	9,79
1991–2000	8,1	11,07	7,95

Источник/ Source: Unemployment rate // OECD Data URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (accessed: 22.06.2020).

В результате мусульманское население Европы за шесть лет увеличилось на более чем шесть миллионов человек – с 19 млн 520 тыс. в 2010 г. до 25 млн 770 тыс. в 2016 г. (прирост – более одного миллиона в год¹⁶). Пропорционально этому показателю увеличилась и социальная напряженность. Мигранты, как это уже говорилось выше, не имеют достаточных возможностей для трудоустройства, социализации и достижения сопоставимого с коренным населением уровня жизни. Важно отметить, что из восемнадцати упоминавшихся выше террористических атак шесть организованы и совершены беженцами первого поколения (см. табл. 1).

Необходимо подчеркнуть, что миграционные процессы наложились на ситуацию офшоринга. В результате значительно выросло число живущих на пособие безработных и осложнилась криминальная ситуация. Например, согласно отчету МВД Франции, на африканцев (преимущественно из Магриба) приходится 20% ограблений без применения оружия, 15% угонов транспортных средств, 11% краж со взломом, хотя их численность составляет всего 3% населения¹⁷.

Социальная неустроенность и оторванность от жизни западного общества стали причинами накопления недовольства. Однако прорвалось оно и

¹⁵ How are refugees faring on the labour market in Europe? A first evaluation based on the 2014 EU Labour Force Survey ad hoc module // Working paper. 2016. P. 6.

¹⁶ Europe's Growing Muslim Population // Pew Research Center. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (accessed: 24.06.2020).

¹⁷ Insécurité et délinquance en 2017: premier bilan statistique // Ministère de l'Intérieur. URL: <https://www.interieur.gouv.fr/Interstats/Actualites/Insecurite-et-delinquance-en-2017-premier-bilan-statistique> (accessed: 22.06.2020).

трансформировалось в экстремистскую активность благодаря триггерам внешнеполитическим.

В начале 2000-х гг. Запад в лице США и их европейских союзников организовал две крупные военные акции на территории исламских государств. В 2001 г. началась война против «Талибана», а 20 марта 2003 г. американские войска вторглись в Ирак. Обе акции были инициированы в первую очередь Соединенными Штатами, однако позже им был придан международный статус (в Афганистане – НАТО, в Ираке – ООН). Таким образом, радикально настроенные элементы как внутри региона, так и вне его получили повод для начала ответных действий. В Ираке и Афганистане противостояние достаточно быстро переросло в полноценную партизанскую войну, по Европе начала распространяться угроза экстремизма.

С религиозной точки зрения военные акции на Ближнем и Среднем Востоке рассматривались радикалами как агрессия против Дар аль-Ислам. Такая политическая ситуация требовала ответа в виде джихада, праведного и справедливого. Проповедовать священную войну стали все видные представители радикального мусульманского духовенства. Наиболее активными среди них, помимо известного Аймана аз-Завахири, стали Анвар аль-Авлаки (США – Йемен) и Абу Мухаммад аль-Макдиси (Иордания). Достаточно скоро у них появились эффективные последователи во главе с Абу Мусабом аз-Заркави.

В Америке и Европе проблема тоже нарастала. Но латентно. Первые громкие террористические акты произошли в 2004 и 2005 гг. Взрывы на вокзале в Мадриде, а затем в столице Великобритании повергли в шок население Запада (не будем забывать и о волне терактов, прокатившихся в период с 2000 по 2005 г. по России. Часто их принято отождествлять с явлением исключительно политическим – чеченским сепаратизмом, но не стоит забывать, что эта война также проходила под исламистскими лозунгами, а следовательно, была частью глобального противостояния между Дар аль-Ислам и Дар аль-Харб в лице Российской Федерации).

Исламизм и постмодерн

Первое время Запад не понимал, как надо правильно реагировать на теракты. Все это не казалось системной проблемой. Подозревались исключительно одиночки, сумасшедшие фанатики.

Ответом стало усиление военной активности, и еще смех. Как ни странно, реакция американской и европейской общественности на события на Ближнем Востоке и террористические атаки в Европе оказалась на первых порах сугубо постмодернистской. Убежденность, что смех сумеет разогнать тьму экстремизма, была очень сильной. Насмешки над исламистами полились рекой с телеэкранов, заполнили интернет.

В известном либертарианском сериале «Южный Парк» появился комический образ У. бен Ладена, который стал регулярным участником шоу. Известный американский комик Джефф Данэм, выступающий в жанре

чревоуещания, создал куклу Ахмед Мертвый террорист. Начиная с 2003 г. канал Би-би-си запустил мультипликационное шоу «Monkey Dust» (в русском переводе известно как «38 обезьян»), среди персонажей которого были террористы-неудачники Шафик, Абдул и Омар. Периодически тема исламского экстремизма эксплуатировалась культовыми мультсериалами, например сериалом «Гриффины» и т.д.

О том, насколько несерьезным было отношение к проблеме, можно судить по вдруг вошедшему в лексикон европейских и американских интернет-пользователей словосочетанию «celeb jihad». Данный, если так можно выразиться, термин обозначал «священную войну» против представителей «мирового гламура», их компрометацию и полное разрушение официального имиджа. Название термина происходит от одноименного сайта, на котором собраны порочащие звезд видео- и фотоматериалы¹⁸. «История» создателя сайта, носящего имя Дюрка-Дюрка Мухаммад, говорит о его принадлежности к джихадистскому движению (презрительное обращение «Дюрка-Дюрка», пародирующее «восточное» произношение, обычно используется по отношению к представителям мусульманского сообщества).

В один момент стало казаться, что смеяться над джихадом, терроризмом и религиозным экстремизмом не только можно, но и необходимо.

Помимо продукции маскульту к «борьбе смыслов» подключились и представители художественного сообщества. В 2005 г. датские художники опубликовали в газете Jyllands-Posten статью, сопровождавшуюся иллюстрациями из двенадцати карикатур на пророка Мухаммада. Авторы отстаивали свое право на свободу слова и право смеяться над всем, что они считают смешным. Ответом стала волна протестов, прокатившаяся по государствам Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, а также череда дипломатических скандалов. Возмущенные кощунственными рисунками мусульмане нападали на датские посольства, высылали дипломатов. В качестве ответа карикатуры перепечатали норвежские и бельгийские газеты. Запад отстаивал свое право на свободу самовыражения.

Новый этап противостояния начался в 2012 г., когда во «Всемирную паутину» был вброшен явно провокационный фильм «Невинность мусульман». Ролик, длительностью в полтора десятка минут, повествовал о жизни основоположника исламской религии в исключительно сатирическом, издевательском ключе. И хотя имя автора осталось неизвестным, мусульмане не сомневались – во всем виноват «пагубный» Запад (что было неудивительно после прямых насмешек, которые одними воспринималась как свобода, а другими – как надругательство). На этот раз все оказалось еще жестче, чем в период карикатурного скандала. Жертвой разъяренной толпы стал посол США в Ливии Кристофер Стивенс и трое американских дипломатов.

¹⁸ Ссылка на сайт не дается специально, в связи со специфичностью содержащегося там контента.

Исламизм как образ жизни

Параллельно с цивилизационным конфликтом на Ближнем Востоке, который воспринимался как часть привычного всем порядка вещей, протест нарастал и внутри западного сообщества. Мусульманское население Европы и Америки протестовало и против карикатур, и против фильма. Помимо видимого проявления недовольства, которое еще сложно было расценивать как открытый экстремизм, формировался и иной феномен – феномен джихадистской контркультуры.

Появилась эта культура из синтеза двух начал, коренящихся в социальной реальности мусульманской общины Запада. С одной стороны, мусульманская молодежь восприняла символы и манеру поведения таких же маргиналов из среды местного населения, с другой – стремилась подчеркнуть свою индивидуальность как протест против отторгнувшего их западного общества. На этой почве стали возникать радикальные сообщества и движения, погрузившие Европу в период между 2015 и 2018 гг. в кровавый хаос.

Отличительными элементами этой культуры стали специфическая музыка – джихад-рэп (некоторые исследователи определяют этот стиль музыки как относящийся к гангста-рэпу, что само по себе симптоматично [9]) и джихад-рок, ношение одежды с символикой радикальных организаций, потребление специфической печатной и электронной продукции (например, журналы *Inspire* [10] и *JihadMagz* [11] и т.д.). Вместе с тем культура эта значительным образом политизирована. Причем политизация носит агрессивный характер, проявляющийся в приверженности его адептов к вооруженной борьбе против несправедливо устроенного мира («джихад меча», газават).

За условную точку отсчета рождения джихадистской контркультуры можно брать самое начало 2000-х гг. Сразу отметим, что этот период хронологически совпадает с началом операций в Афганистане и Ираке. То есть влияние на формирование явления внешнего фактора здесь очевидно. В 2004 г. по пространствам глобальной сети начал гулять видеоролик «*Dirty Kuffar*». Его авторы призывали к войне против неверных, исполняя музыкальные композиции в стиле гангста-рэп. «*Dirty Kuffar*» набрал колоссальное количество просмотров и стал чрезвычайно популярным. В частности, анализ соответствующих запросов в интернете, проведенный с использованием системы *Google Trends*, показывает значительный всплеск интереса к терминам «джихад» и «кафир», пришедшийся на период «господства» «*Dirty Kuffar*» (рис. 1).

В связи с этим важно отметить, что адепты джихадистской культуры активно используют визуальный и музыкальный контент. Музыка и изображения строго запрещены традиционалистскими течениями ислама, в том числе и укладывающимися в русло ваххабизма. Таким образом, можно говорить о существенных идейных отличиях между классическим салафизмом и новой его генерацией. Молодые европейские и американские джихадисты могут весьма вольно вести себя в быту – употреблять алкоголь и наркотики,

слушать рок-музыку и читать рэп, веселиться и покупать дорогие вещи. Главное для них быть на пути джихада или же разделять убежденность в правильности этого пути.

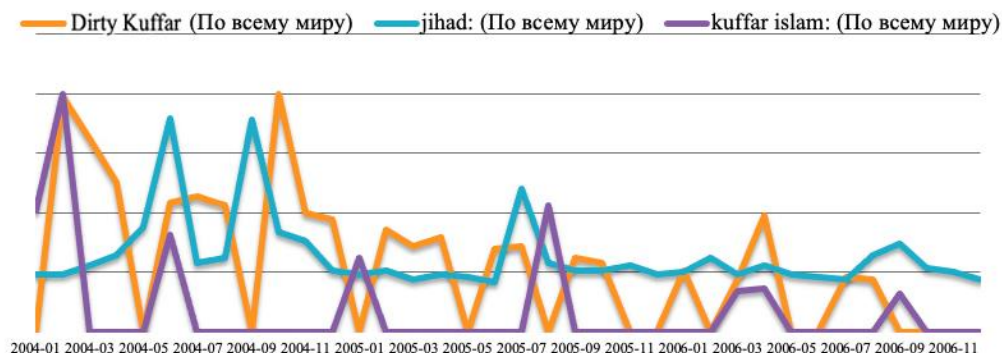

Рис. 1 / Fig. 1

Анализ поисковых запросов «Dirty kuffar», «jihad», «kuffar islam» (2004–2006 г.) /
Analysis of the search queries «Dirty kuffar», «jihad», «kuffar islam» (2004–2006 г.)
Источник / Source: Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/> (accessed: 22.06.2020)

О том, насколько отличны представления новых джихадистов о священной войне, говорит, в частности, следующий текст:

“From Kandahar to Ramallah we comin, sah,
Peace to the Hamas and the Hezbollah,
OBL cru be like a shinin' star,
Like the way we destroyed them two towers, ha ha!” [13: 167]

В приведенном выше отрывке из композиции «Dirty Kuffar» особый интерес представляет вторая строчка куплета. В одной фразе, прославляющей джихад, объединен панегирик двум организациям – суннитскому ХАМАС и шиитской «Хезболле».

Шииты для политических салафитов – важнейшие враги: злостные извратители ислама, предатели и еретики. О том, насколько силен взаимный антагонизм между исламистами и шиитами, говорит накал вооруженной борьбы между ними в Ираке и Сирии (причем в Сирии у власти находятся представители алавитской общины, которых даже к шиитам можно отнести с очень большим трудом). Однако авторы «Dirty Kuffar» не видят между ними разницы. Все, кто стоят на пути борьбы и джихада, все, кто сражается против пагубного Запада («крестоносцев и иудеев»), – братья по определению.

Такая идейная всеядность говорит о серьезной трансформации движения, по крайней мере в европейском и американском его вариантах. Западные джихадисты – потомки рабочих и мигрантов первого поколения – открыто заявляют о своей приверженности доктрине борьбы, отождествляют себя с ИГИЛ, не будучи при этом арабами или мусульманами в прямом смысле этого слова. В частности, сейчас на Западе активным образом распространяется специфический вариант джихадистской субкультуры, получившей название Jihobbyist. Его адепты, если и не готовы ехать в Сирию или Ирак,

помогают «борцам за веру» любыми способами – поддерживают деньгами, словами, участвуют в акциях протеста или просто носят одежду с соответствующей символикой (футболки с первой строкой Аль-Фатихи или Шахадой, изображением автомата Калашникова, символики экстремистских организаций и т.д.), слушают джихад-рэп или джихад-рок. В умы молодых мусульман активнейшим образом внедряется мысль о том, что быть джихадистом «круто» – *jihadi cool*.

К представителям этой культуры относится большинство из джихад-рэперов – Аннас Аль-Аббуби (псевдоним – Мак-Халиф) – Италия; Денис Мамаду Кусперт (Абу-Малик) – Германия; Омар Хаммами (Абу Мансур Аль-Амрики) – США.

Связь же представителей *jihadi cool* с экстремизмом очевидна. В этой связи типична биография Абдель-Маджида Абдель-Бари, «творившего» под псевдонимом Л-Джинн (Lytic Jinn). Личность эта весьма примечательна. Исламист во втором поколении (отец – египтянин – был связан с бен Ладеном, обвинен в участии в подготовке взрывов американских посольств в Кении и Танзании в 1998 г., приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы). Начал музыкальную деятельность с создания вполне обычных композиций в стиле гангста-рэп. Потом, видимо под влиянием кого-то из товарищей, перешел в стан радикалов. Отныне его песни стали изобиловать фразами типа: “Give me the pride and the honour like my father, I swear the day they came and took my dad, I could have killed a cop or two”. Или: “Imagine then I was only six, picture what I’d do now with a loaded stick. Like boom bang fine, I’m wishing you were dead, violate my brothers and I’m filling you with lead” [13: 14]. В 2013 г. Абдель-Бари присоединился к оппозиционным джихадистским силам в Сирии, а затем к ИГИЛ. В апреле 2020 г. его арестовали в Испании¹⁹.

Американский «коллега» Л-Джинни Омар Хаммами (Аль-Амрики) был включен в список наиболее разыскиваемых американскими спецслужбами террористов. Его даже считали главой сомалийской радикальной группировки «Аш-Шабаб»²⁰. В этом же списке присутствовала фамилия Дениса Кусперта²¹.

Распространение специфического микста из криминальной культуры и религиозного протеста включает у маргинализованной части мусульманской молодежи те же психологические механизмы, что и культура сугубо криминальная. По крайней мере, эксплуатируют они одни и те же символы –

¹⁹ British “jihadi rapper” who posed with a severed head and was suspected of being ISIS “Beatle” Jihadi John is arrested in Spain by anti-terror police // Mail online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8241409/British-jihadi-rapper-arrested-Spain-anti-terror-police.html> (accessed: 22.06.2020).

²⁰ US-born “jihadi rapper” Omar Hammami reportedly killed in Somalia // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/sep/12/jihadist-rapper-omar-hammami-killed> (accessed: 22.06.2020).

²¹ США записали бывшего немецкого рэпера в террористы // Deutsche Welle. URL: <https://p.dw.com/p/1EYqB?maca=ru> (accessed: 22.06.2020).

независимость, силу, власть. Только если в случае с гангста-рэпом (как частью культуры полукриминальной) в типическом его варианте упор делается на богатство и достаток, то джихад-рэперы бравируют своей сопричастностью к великому делу освобождения мира.

Не исключено, что западный вариант исламизма, исламизма постиндустриального времени, замещает сейчас лакуну, образовавшуюся в мире после идейного и политического крушения левых доктрин. Вполне возможно, что обновленный исламизм сейчас удовлетворяет потребность в протесте определенной части разнообразного в культурном и этническом отношении западного сообщества.

На основе приведенных выше фактов можно сделать предположение о формировании внутри мирового джихадистского движения новой формации со специфическими характеристиками. К ним в первую очередь относятся:

- твердая приверженность адептов доктрине священной войны (газавата);
- уверенность в необходимости обновления мира путем создания глобального халифата;
- определенное безразличие к идейным отличиям между направлениями ислама;
- вестернизированность носителей, ведущих порой весьма светский и свободный образ жизни, и в то же время презрение к коллективному Западу, угнетающему весь мир и мусульман в первую очередь;
- особая манера поведения (jihadī cool) и специфический культурный продукт, создаваемый и потребляемый в рамках движения.

Современные ученые – политологи и культурологи – как представляется, не до конца понимают суть описанного выше феномена. В исследовательский фокус попадали пока либо отдельные проявления джихадистской субкультуры (хорошо разработана в западной историографии, например, проблема особенностей джихад-рэпа как явления культурного [14; 15]), либо они рассматривались как результат пропагандистских усилий «Аль-Каиды» или ИГИЛ [12; 13].

Нам представляется, что на основе проведенного анализа можно сделать вывод о независимости явления, которое сформировалось как продолжение социально-политических и экономических дисбалансов западного сообщества и его мусульманской части.

Конечно же, определенная зависимость между активностью мирового джихадизма и европейского и американского его ответвлений имеется. Так, очевидно, что волна терактов, прокатившаяся по Европе в период между 2014 и 2018 гг., и совершенная, как это уже говорилось выше, беженцами второго поколения, напрямую коррелирует с деятельностью ИГИЛ в Ираке и Сирии (рис. 2).

Данную зависимость, как представляется, нельзя понимать буквально. То есть не теракты были организованы ИГИЛ напрямую, а европейские

джихадисты, воодушевленные успехом братьев, объявили джихад «крестоносцам» у них в тылу.

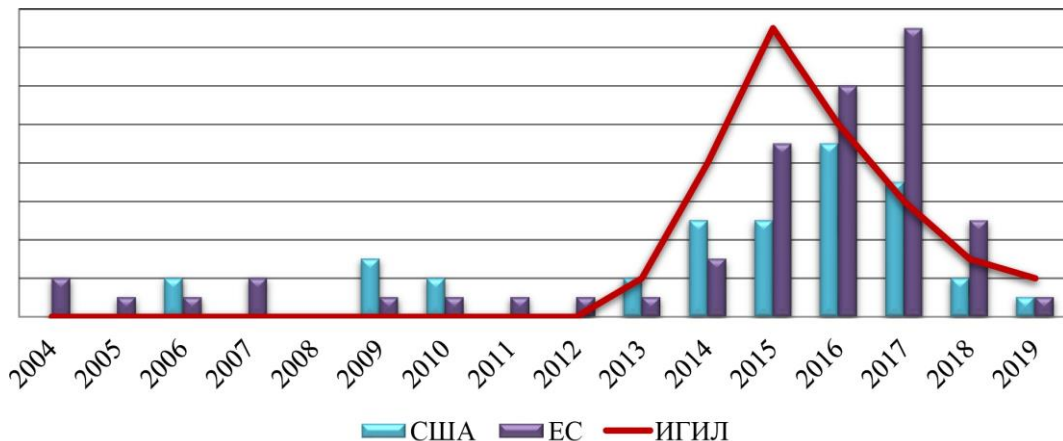

Рис. 2 / Fig. 2

Корреляция количества терактов в ЕС и США и активности ИГИЛ /

Correlation between the number of terrorist attacks in the EU and the US and ISIS activity

Источник / Source: составлено автором на основе / made by author based on: Global Terrorism Database // University of Maryland. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 22.06.2020); [7], [16], [17]

Типичным в этой связи является пример братьев Куаши и упоминавшихся выше Царнаевых. Ни одни, ни вторые не были участниками ИГИЛ или иной крупной салафитской структуры, но мстили Западу. Куаши за высмеивание и унижения (карикатуры «Шарли Эбдо» вполне можно рассматривать как продолжение карикатурных скандалов 2005 и 2006 гг., провокационных сюжетов мультсериалов и различных издевательских стенд-ап-этюдов), Царнаевы – за вторжение в Ирак, Афганистан и Ливию.

Именно после вылазок Куаши и Царнаевых наступило тотальное отрезвление. Стало понятным, что внутри западного мира имеется значительная часть населения, раздраженная своим социальным положением, недовольная проводимой внешней политикой и пытающаяся отождествлять себя с тем, что в корне чуждо современной западной цивилизации – радикализмом, яростным протестом, агрессией. После этого, а особенно после «Батаклана», повсеместный смех резко прекратился.

Заключение

Военные усилия международной коалиции и России при поддержке Ирана привели к поражению ИГИЛ. Однако уничтожен ли политический салафизм? Вопрос риторический.

По всему миру сегодня появляются все новые и новые адепты течения *jihadī cool*. В регионе Южной и Юго-Восточной Азии развивается целая индустрия производства особой музыкальной продукции²², одежды с радикальной

²² AlFarabiBand Malaysia Hari Ini MHI TV3 promote JIHAD MUSIC THE GIG 7thMay2016 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CukLWfkvSjM> (accessed: 22.06.2020).

символикой, которую можно приобрести через интернет, игрушек и сувениров²³. Все это находит своего потребителя, а значит, идея исламистского сопротивления жива, здравствует и может начать распространяться вновь (современная глобальная социально-экономическая среда, кризис и рост безработицы будут этому только способствовать).

Новая редакция мирового исламизма видится нам более опасной, нежели классический салафизм. Для «Аль-Каиды», «Талибана», «Джамаат Таухид валь-Джихад», алжирских исламистов был характерен высочайший уровень антипатии к любому конформизму – политическому и религиозному. Другими словами, любой, кто сходил с истинного пути борьбы за веру, становился врагом. В твердой приверженности понимаемым весьма умозрительно принципом была, как это уже говорилось выше, и сила, и слабость исламистов.

Исламизм же постиндустриального общества открывает двери для всех без исключения поборников джихада. Невнимание к конфессиональным и идейным различиям снижает опасность внутреннего конфликта, а усиление тенденций секулярных (на бытовом уровне) расширяет возможности для рекрутирования новых членов. Обновленный исламизм проникает в Европу, США, Южную и Юго-Восточную Азию, становится, без преувеличения, глобальным феноменом. Соответственно, возрастает опасность, исходящая от него для международной и региональной стабильности.

Для России все происходящее может означать только одно. Наша страна была, есть и будет находиться среди главных врагов исламских радикалов. В контексте появления более лабильной генерации этого явления возрастает опасность внутренней дестабилизации наших мусульманских регионов. Особенно это может быть опасно в контексте экономического кризиса, когда ослабнут возможности государства по поддержанию регионов и инвестированию средств в социальную политику.

Динамику развития такого опасного явления, как исламизм, необходимо отслеживать на всех уровнях. Как показывает историческая реальность, давление глобальной цивилизации не уничтожает радикальный консерватизм, но приводит к его трансформации и превращению в новые социальные вызовы и политические угрозы.

Библиографический список

- [1] Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982.
- [2] Hoveyda F. The Broken Crescent: The “threat” of Militant Islamic Fundamentalism. Greenwood Publishing Group, 1998.
- [3] Матсон О.О. Формирование отношений мусульманской диаспоры и титульного этноса Германии в 20–21 вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 75–77.

²³ Inside the ISIS gift shop: Online jihadist spring/summer collection of T-shirts, hoodies and baseball caps shocks internet // Mail online. URL <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2666854/Inside-ISIS-gift-shop-Online-jihadist-spring-summer-collection-shocks-internet.html> (accessed: 22.06.2020).

- [4] Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020 // *International Journal of Environmental Science and Development*. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 154–164.
- [5] Voas D., Fleischmann F. Islam Moves West: Religious Change in the First and Second Generations (August 2012) // *Annual Review of Sociology*. 2012. Vol. 38. P. 525–545.
- [6] Roy O. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York. Columbia University Press, 2004.
- [7] Warrick J. *Black Flags: The Rise of ISIS*. Anchor, 2016.
- [8] Smith A. *The Politics of Economic Activity*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- [9] Ilan J., Sandberg S. How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus // *European Journal of Criminology*. 2019. Vol. 16 (3). P. 278–294.
- [10] Lemieux A.F., Brachman J.M., Levitt J., Wood J. Inspire magazine: A critical analysis of its significance and potential impact through the lens of the information, motivation, and behavioral skills model // *Terrorism and Political Violence*. 2014. Vol. 26. P. 1–18.
- [11] Muzakki A. The roots, strategies, and popular perception of Islamic radicalism in Indonesia // *Journal of Indonesian Islam*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 1–22.
- [12] Nacos B. *Mass-Mediated Terrorism. Mainstream and Digital Media in Terrorism and Counterterrorism*, Third Edition. Rowman & Littlefield Publishers, 2016.
- [13] Drag W., Krogulec J., Marecki M. *War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media*. Cambridge Scholars Publishing, 2016.
- [14] Nilan P. *Muslim Youth in the Diaspora. Challenging Extremism through Popular Culture*. Routledge, 2019.
- [15] Morris T. *Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism*. Lexington Books, 2017.
- [16] Schmid A. *The Routledge Handbook of Terrorism Research*. N.Y.: Taylor & Francis, 2011.
- [17] Price E. *Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings // Perspectives on Terrorism*. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 126–134.

References

- [1] Vasilyev A.M. *History of Saudi Arabia*. Moscow: Nauka; 1982. (In Russ.).
- [2] Hoveyda F. *The Broken Crescent: The “threat” of Militant Islamic Fundamentalism*. Greenwood Publishing Group; 1998.
- [3] Matson O.O. The formation of relations between the Muslim diaspora and the titular ethnic group of Germany in the 20th and 21st centuries. *The Bryansk State University Herald*. 2016; 2 (28): 75–77. (In Russ.).
- [4] Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020. *International Journal of Environmental Science and Development*. 2010; 1 (2): 154–164.
- [5] Voas D., Fleischmann F. Islam Moves West: Religious Change in the First and Second Generations (August 2012). *Annual Review of Sociology*. 2012; 38: 525–545.
- [6] Roy O. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press; 2004.
- [7] Warrick J. *Black Flags: The Rise of ISIS*. Anchor; 2016.
- [8] Smith A. *The Politics of Economic Activity*. Oxford: Oxford University Press; 2016.
- [9] Ilan J., Sandberg S. How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus. *European Journal of Criminology*. 2019; 16 (3): 278–294.
- [10] Lemieux A. F., Brachman J. M., Levitt J., Wood J. Inspire magazine: A critical analysis of its significance and potential impact through the lens of the information, motivation, and behavioral skills model. *Terrorism and Political Violence*. 2014; 26: 1–18.
- [11] Muzakki A. The roots, strategies, and popular perception of Islamic radicalism in Indonesia. *Journal of Indonesian Islam*. 2014; 8 (1): 1–22.
- [12] Nacos B. *Mass-Mediated Terrorism. Mainstream and Digital Media in Terrorism and Counterterrorism*, Third Edition. Rowman & Littlefield Publishers; 2016.
- [13] Drag W., Krogulec J., Marecki M. *War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media*. Cambridge Scholars Publishing; 2016.

- [14] Nilan P. *Muslim Youth in the Diaspora. Challenging Extremism through Popular Culture*. Routledge; 2019.
- [15] Morris T. *Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism*. Lexington Books; 2017.
- [16] Schmid A.P. *The Routledge Handbook of Terrorism Research*. N.Y.: Taylor & Francis; 2011.
- [17] Price E. Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings. *Perspectives on Terrorism*. 2014; 8 (3): 126–134.

Информация об авторах:

Демиденко Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, декан Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ORCID ID: 0000-0002-6519-9474) (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru).

Кутузова Анастасия Александровна – магистрант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ORCID ID: 0000-0002-9331-1558) (e-mail: kutuzova-aa@ranepa.ru).

Information about the authors:

Sergei V. Demidenko – PhD Historical in Science, Dean of the School of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6519-9474) (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru).

Anastasia A. Kutuzova – Master Student of the Department of Political Science and Political Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9331-1558) (e-mail: kutuzova-aa@ranepa.ru).